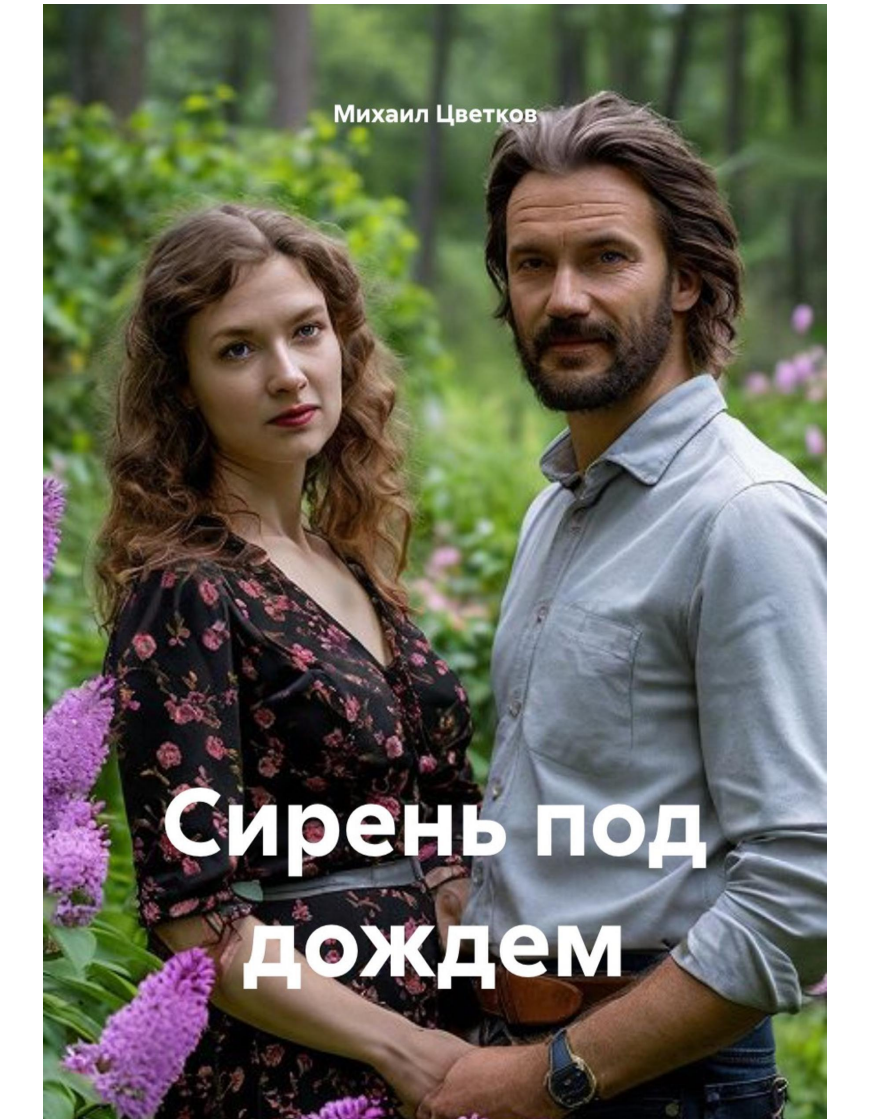

A man and a woman are standing in a lush garden. The woman, on the left, has long, wavy brown hair and is wearing a black dress with a pink floral pattern. The man, on the right, has long brown hair, a beard, and is wearing a light blue button-down shirt. They are both looking towards the camera. In the foreground, there are large, vibrant purple flowers. The background is a soft-focus green garden with trees and foliage.

Михаил Цветков

Сирень под дождем

Михаил Цветков

Сирень под дождем

<https://litres.ru/74101833>

SelfPub; 2026

Аннотация

После болезненного разрыва Алиса, куратор ботанического сада, посвятила себя редким сортам сирени. Случайная встреча с архитектором Максимом, пережившим потерю жены, дарит им обоим второй шанс на любовь. Объединённые страстью к сохранению старины, они берутся за восстановление заброшенной усадьбы и создание уникального сиреневого парка. Но когда Максим получает предложение мечты в Берлине, а Алисе таинственный меценат обещает наследство в обмен на верность парку, их союз проходит проверку на прочность. «Сирень под дождём» — атмосферная история о выборе между амбициями и любовью, о вторых шансах и умении расцветать заново.

Содержание

Часть первая. Случайный попутчик. Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сирень под дождем

Часть первая. Случайный попутчик. Глава 1

Алиса стояла под козырьком автобусной остановки на Петроградской стороне и смотрела, как майский дождь превращает серый асфальт в зеркало. В руках она бережно прижимала к груди ветку белой сирени, срезанную час назад в старой части ботанического сада. Ветка намокла, и запах стоял такой густой и сладкий, что кружилась голова.

Автобус опаздывал уже на пятнадцать минут. Телефон разрядился ещё в оранжерее, когда она полчаса висела на линии с поставщиками, пытаясь выяснить, куда пропала партия торфяных горшков. Теперь она стояла совершенно отрезанная от мира, с мокрыми туфлями и раздражением, которое медленно закипало где-то под диафрагмой.

Ей нужно было вернуться в сад. Сегодня вечером ожидалась комиссия из комитета по благоустройству, а в старой пальмовой оранжерее прохудилась крыша, и дождь заливал драгоценную коллекцию саженцев, привезённых ещё в советские времена из Сухумского питомника. Алиса уже представляла себе кислые лица чиновников и строчила мыс-

ленный отчёт, объясняющий, почему три саженца мандарина выглядят так, словно пережили небольшой личный апокалипсис.

Дождь усилился. Косые струи залетали под козырёк, и Алиса отступила на шаг назад, прижимаясь спиной к мокрой стене павильона. Белая сирень качнулась, и с неё сорвались крупные капли, упав прямо на нос. Алиса невольно фыркнула.

— Французская, — раздался голос справа. — Сорт «Мадам Лемуан». У моей бабушки под окном такая же росла. Я в детстве думал, что это облака упали на куст.

Алиса повернула голову. Рядом с ней, под тем же козырьком, стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, в тёмно-синем плаще, который был ему чуть великоват. На плече он держал длинный чёрный тубус — с такими обычно ходят архитекторы или художники. Лицо у него было спокойное, с твёрдой линией подбородка и лёгкой, едва заметной сеточкой морщин у глаз — таких глаз, которые, казалось, привыкли вглядываться вдаль. Цвет их она не сразу определила: не то серый, не то зеленоватый, как грозовое небо над заливом.

— Вы разбираетесь в сирени? — спросила она, скорее из вежливости, чем из настоящего любопытства.

— Только в бабушкиной, — он усмехнулся, и улыбка эта странным образом преобразила его лицо, сделав из просто интересного — почти красивым. — Я архитектор. Занимаюсь реставрацией старых усадеб. И почти в каждой, куда

приезжаю, обязательно нахожу сирень. Она там как подпись ушедших садовников. Посадили, уехали, умерли — а она всё цветёт.

Алиса не нашлась что ответить. Что-то в его интонации — спокойной, чуть печальной — задело её. Она вдруг ясно представила эти заброшенные усадьбы, заросшие парки и старые кусты сирени, которые каждую весну снова и снова выбрасывают гроздья цветов, хотя тех, кто их сажал, давно уже нет.

Подошёл автобус. Двери с шипением открылись, и Алиса шагнула внутрь, не оглядываясь. Она села на свободное место у окна, поставила сумку на колени и уже собиралась отвернуться к стеклу, когда мужчина с тубусом сел на сиденье напротив.

— Я Максим, — сказал он, перехватив её взгляд, и протянул руку.

Рукопожатие у него было крепкое, ладонь — сухая и тёплая, совсем не такая, какой ожидаешь от человека, просто-вашего полчаса под дождём.

— Алиса.

— Как в сказке? — улыбнулся он.

— Как в кошмаре, — ответила она машинально и тут же пожалела о резкости. — Простите. Тяжёлый день.

— Понимаю. У меня тоже.

Автобус тронулся, и за окном поплыли мокрые набережные Фонтанки, серые фасады, редкие прохожие, прикрыва-

ющиеся зонтами. Алиса молчала. Она не искала знакомств. После того как год назад Андрей собрал вещи и ушёл, оставив на кухонном столе записку «прости, я больше не чувствую», она закрыла сердце на все замки, какие только смогла найти. Работа в ботаническом саду стала её единственной страстью: старые сорта, реестры, черенки, земля под ногтями, запах влажного мха в оранжерее. Так было безопасно. Так было понятно.

Она скосила глаза на Максима. Он сидел, положив тубус между колен, и смотрел в окно. Профиль у него был чёткий, с ровной линией носа и твёрдым подбородком. На вид — лет тридцать пять. Может, чуть больше. На безымянном пальце левой руки — никакого кольца. Впрочем, это ничего не значило.

— Вы выходите? — спросил он вдруг.

Алиса вздрогнула и увидела, что автобус уже тормозит у входа в ботанический сад. Она так глубоко ушла в свои мысли, что чуть не проехала остановку.

— Да, — она вскочила, схватила сумку, ветку сирени и поспешила к выходу.

Максим вышел следом. На улице дождь почти перестал, только с лип капали редкие крупные капли, разбиваясь о мокрый асфальт. Алиса хотела попрощаться и нырнуть в служебный вход, но Максим вдруг сказал:

— Знаете, я сегодня собирался на экскурсию в оранжерею. Никогда здесь не был, хотя сто раз проходил мимо. А

тут у меня проект — реставрация усадьбы XVIII века с зимним садом. Хочу подсмотреть, как всё устроено. Не проведёте для меня короткую персональную экскурсию? В благодарность — кофе и пирожное из вашего буфета. Если он ещё работает, конечно.

Алиса заколебалась. У неё аврал, смета, рабочие. Комиссия через два часа. Саженьцы мандарина. Но глаза у него были такого странного, переменчивого цвета — сейчас, при дневном свете, пробившемся сквозь тучи, она увидела, что они действительно серые с лёгкой зеленцой, как вода в Неве перед грозой. И улыбка открытая, без всякого подтекста.

«Почему бы и нет? — подумала она. — Десять минут ничего не решат. А человек, кажется, хороший».

— Хорошо, — сказала она вслух. — Только быстро. У меня правда аврал.

— Клянусь, буду задавать минимум вопросов, — он поднял руку в шутовском жесте и снова улыбнулся.

Они вошли через главные ворота. Сад был пуст — в такую погоду посетители предпочитали музеи и кафе. Мокрые аллеи блестели, в канавах журчала вода, а воздух был напоён запахом мокрой земли, травы и цветущих кустарников. Алиса вела Максима по центральной аллее, машинально рассказывая историю сада: основан в 1714 году по указу Петра I, изначально назывался Аптекарским огородом, здесь выращивали лекарственные растения для армии.

— Представляете, — говорила она, сворачивая к старой

сиреновой аллее, — здесь есть сорта, которым больше ста лет. Их выводил ещё Лемуан, французский селекционер, тот самый, чьим именем назван сорт, который вы узнали. Его сирень — это как подпись эпохи. Каждый куст — живая история.

Максим слушал внимательно, задавал точные, умные вопросы, и Алиса поймала себя на том, что рассказывает охотнее обычного. Обычно экскурсанты зевали или отвлекались на телефоны, а этот смотрел на неё так, словно каждое её слово имело значение.

В старой пальмовой оранжерее, куда она завела его напоследок, было тепло и влажно. Огромные листья пальм шелестели под стеклянным куполом, где в одном месте зияла прореха, затянутая полиэтиленом. Алиса показала на это пальцем.

— Вот, полюбуйтесь. Протечка. Сметы нет, рабочих нет, а комиссия будет через полтора часа.

Максим оглядел прореху, потом перевёл взгляд на неё.

— Хотите, я вам её заделаю?

— Вы? — она удивлённо подняла брови.

— Я архитектор, но вообще-то я вырос в деревне. Могу крышу перекрыть, печь сложить и забор поправить. Прореху в стеклянной крыше — тем более. У вас есть лестница и кусок поликарбоната?

Поликарбонат у завхоза нашёлся, лестница тоже. Максим скинул плащ, закатал рукава рубашки и полез наверх. Алиса

стояла внизу, подавала инструменты и чувствовала странное смущение. Мужчина, которого она видит первый раз в жизни, чинит крышу её оранжереи, а она стоит и смотрит, как под тонкой тканью рубашки ходят мускулы на его спине.

Через двадцать минут прореха была заделана. Максим спустился, вытер руки о какую-то тряпку и сказал:

— Готово. Лет пять продержится. А теперь, кажется, вы мне должны кофе.

В буфете было пусто. Они сели за столик у окна, взяли по чашке американо и по эклеру. За окном снова начал накрапывать дождь. Алиса пила кофе и думала, что всё это странно: сидит с незнакомым мужчиной, пьёт кофе и чувствует себя так, словно они знакомы сто лет. Максим рассказывал о себе: тридцать семь лет, архитектор-реставратор, вдовец.

— Жена погибла два года назад, — сказал он просто, без надрыва, но в голосе его прозвучала такая глухая, запятанная боль, что Алиса вздрогнула. — Автокатастрофа. Она была художником, ездила на пленэры. В тот день был гололёд.

— Простите, — тихо сказала Алиса.

— Ничего. Это жизнь. Сначала я думал, что не смогу больше ни строить, ни жить. Уехал в глушь, в бабушкин дом, просто сидел на крыльце и смотрел на закаты. Но потом пришёл заказ на реставрацию одной усадьбы, и я понял: если я не восстановлю её, никто не восстановит. И меня тоже.

Алиса молчала. Сочувствие сдавило горло. У неё была просто нелепая история с малодушным мужчиной, а у него

— настоящая трагедия. Она не нашла слов утешения, а просто дотронулась до его запястья кончиками пальцев. Он не отдёргнул руку, а повернул её ладонью вверх и накрыл своей ладонью. Жест вышел простым, естественным, как будто они делали так всегда.

— Вы удивительная, Алиса, — сказал он.

— Я обычная, — она убрала руку, смутившись. — Просто люблю сирень.

— Может, в этом и дело. Обычные люди, которые любят сирень, — они самые удивительные.

Вечером, когда комиссия ушла, а саженцы мандарина были спасены, Алиса вышла из сада и увидела Максима. Он стоял у ворот под зонтом и ждал её.

— Я подумал, что вам может понадобиться проводить до дома, — сказал он. — Дождь опять усилился.

— Вы что, два часа ждали?

— Час сорок пять, — уточнил он с улыбкой. — Но я успел обдумать план реставрации зимнего сада. Так что время прошло с пользой.

Они пошли по мокрым улицам, и Алиса чувствовала, как внутри неё что-то медленно, осторожно оттаивает. То, что она считала навсегда замёрзшим.

У подъезда Максим остановился и сказал:

— Я бы хотел увидеть вас снова. Завтра? В это же время. У ворот сада.

И Алиса, забыв о своей броне, о страхах и клятвах больше

никогда не влюбляться, ответила:

— Да.

Она поднялась в квартиру, подошла к окну и увидела, как он стоит внизу, задрав голову, и смотрит на её окна. Заметив её, он махнул рукой и пошёл прочь, а дождь всё сыпал и сыпал, превращая свет фонарей в размытые золотые пятна.

Алиса прижалась лбом к холодному стеклу и улыбнулась. Впервые за долгое время.

Глава 2

На следующее утро Алиса проснулась с чувством, которое она не сразу смогла определить. Что-то лёгкое, звенящее, как натянутая струна. Она лежала в постели, глядя в потолок, и пыталась понять, что с ней не так, пока вдруг не осознала: это предвкушение. Она ждала вечера.

Это было глупо. Абсолютно, непростительно глупо — ждать встречи с мужчиной, которого она видела всего один раз. О котором почти ничего не знает. Который, возможно, за ночь забыл о её существовании.

Но телефон, который она с вечера поставила на зарядку, мигал зелёным огоньком нового сообщения.

«Доброе утро. Как там саженцы мандарина? Живы? Максим».

Она улыбнулась и написала в ответ: «Живы. Кажется, у них открылось второе дыхание. Или это у меня».

Ответ пришёл почти мгновенно: «Рад, что у кого-то открылось второе дыхание. У меня, кажется, тоже. До вечера?»

«До вечера», — напечатала она и отложила телефон, чувствуя, как щёки заливают румянец. В тридцать два года краснеть от сообщения — это, наверное, диагноз, подумала она. Но ничего не могла с собой поделать.

Весь день в саду прошёл как в тумане. Она занималась текущими делами: проверила влажность почвы в оранжерее,

подписала акты, приняла партию новых горшков, поговорила с экскурсоводами. Всё это она делала автоматически, а мысли её были далеко — на мокрой остановке, где высокий мужчина в синем плаще сказал, что сирень похожа на облака.

Ближе к вечеру она с удивлением поймала себя на том, что переоделась. В подсобке висело её «дежурное» платье — простое, тёмно-синее, с белым воротничком, которое она держала на случай внезапных совещаний с начальством. Она надела его, подкрасила ресницы и даже достала из сумки флакончик духов — тот самый, с запахом ландыша, который стоял без дела уже год.

— Алиса Сергеевна, вы сегодня какая-то не такая, — заметила вахтёрша тётя Нина, когда она проходила мимо проходной.

— Какая — не такая? — спросила Алиса, стараясь говорить небрежно.

— Красивая. Давно вас такой не видела.

Алиса отмахнулась и вышла за ворота.

Максим уже ждал. Он стоял, прислонившись к ограде, и держал в руках небольшой букет — не розы, не тюльпаны, а несколько веточек сирени, белой и лиловой. Настоящей, уличной, с капельками влаги на лепестках.

— Это вам, — сказал он, протягивая букет. — В благодарность за экскурсию. И за то, что вообще согласились прийти.

— Спасибо, — она взяла букет, и их пальцы на мгновение соприкоснулись. — Но вообще-то это я должна вас благода-

ритель за крышу.

— Тогда будем считать, что мы квиты, и начнём сначала. Я Максим. Архитектор. Люблю сирень и дождь.

— Алиса. Ботаник. Тоже люблю сирень. А дождь — не очень.

— Тогда я буду держать зонт, — он улыбнулся и действительно раскрыл над ней большой чёрный зонт. — Куда пойдём?

Они пошли по набережной Фонтанки в сторону Летнего сада. Дождь, зарядивший с утра, к вечеру почти перестал, но небо оставалось серым, тяжёлым, готовым в любой момент пролиться новым потоком. Река была спокойной, свинцово-серой, с редкой рябью от ветра.

Они говорили — сначала о пустяках, потом о серьёзном. Алиса рассказала о своей работе, о том, как попала в ботанический сад после университета, как сначала была простым лаборантом, а потом доросла до куратора коллекции декоративных кустарников. О том, как ездила в экспедиции по старым паркам Ленинградской области, выискивая уцелевшие сорта сирени, чудом пережившие войну, блокаду, перестройку.

— Это удивительно, — сказал Максим, — вы ищете то же, что и я. Только я ищу старые здания, а вы — старые растения. Но суть одна: мы оба пытаемся сохранить то, что исчезает.

— Наверное, — она задумалась. — Только здания можно

восстановить по чертежам. А растение, если оно погибло — всё, конец. Гены утрачены навсегда.

— Поэтому вы так держитесь за свои саженцы?

— Поэтому.

Они прошли в Летний сад. Мраморные статуи блестели от влаги, аллеи были пустынные, и только где-то вдалеке звучал смех — школьники с экскурсией. Максим и Алиса сели на скамейку у пруда, где плавали две белые утки.

— Расскажите о вашей жене, — вдруг попросила Алиса и тут же испугалась собственной смелости. — Простите, если это слишком личное. Не отвечайте, если не хотите.

— Ничего, — он вздохнул и долго молчал, глядя на уток. — Её звали Катя. Мы познакомились в институте, на первом курсе. Она была художницей. Настоящей, понимаете? Не такой, которые просто водят кисточкой по холсту, а такой, которая видит мир иначе. Она могла разглядеть тридцать оттенков в сером небе, которое я считал просто серым. Мы поженились на четвёртом курсе. Прожили вместе двенадцать лет.

Он замолчал. Алиса не торопила. Она сидела тихо, сложив руки на коленях, и слушала, как шумит ветер в старых липах.

— Детей у нас не было, — продолжил Максим. — Сначала думали — рано, успеем. Потом — проекты, разъезды. А потом В общем, не случилось. Когда Катя погибла, я остался один. Совсем один. У меня есть коллеги, партнёры, но это

не то. Понимаете? Можно быть в толпе и всё равно быть одному.

— Понимаю, — тихо сказала Алиса. — После ухода Андрея я тоже чувствовала себя пустой. Хотя у меня и коллеги, и подруги, и родители живы. Но внутри — как выжженное поле.

Максим повернулся к ней:

— А кто такой Андрей?

— Бывший. Гражданский муж. Прожили вместе три года. А потом он однажды утром собрал вещи и ушёл. Оставил записку: «Прости, я больше не чувствую». Просто перегорел, как лампочка. И всё. Ни скандала, ни измены, ни объяснений. Я потом полгода собирала себя по кусочкам. Думала, что со мной что-то не так. Что я какая-то неправильная. Неинтересная. Некрасивая.

— Вы красивая, — сказал Максим просто, без всякой рисовки, как констатируют факт. — И интересная. Очень. Просто тот человек, видимо, не смог этого оценить.

Алиса почувствовала, как к глазам подступают слёзы, и отвернулась. Она не плакала уже много месяцев, и вот теперь — из-за нескольких простых слов.

— Простите, — сказала она. — Это всё дождь. В глаза попал.

— Конечно, дождь, — он улыбнулся уголком губ и не стал её разоблачать. — У меня от дождя тоже часто глаза на мокром месте.

Они посидели ещё немного и пошли обратно, к выходу из сада. У ворот Максим вдруг остановился и сказал:

— Алиса, я хочу вам кое-что показать. Это недалеко. Если у вас есть время.

— Что?

— Увидите.

Они поймали такси и поехали в сторону Васильевского острова. Машина свернула в один из тихих переулков, где стояли старые дома в строительных лесах. Такси остановилось у небольшого особняка за чугунной оградой. Максим расплатился, достал из кармана ключ и открыл калитку.

— Это мой объект, — сказал он. — Усадьба купца Зотова, 1798 год. Здесь будет зимний сад, вот в той пристройке.

Он провёл её по участку, показывая старые стены, сводчатые подвалы, остатки лепнины. В сумерках особняк выглядел таинственно и немного жутко, но в голосе Максима звучала такая любовь к этим руинам, что Алиса невольно прониклась.

— А вот здесь, — он подвёл её к заросшему углу сада, где среди лопухов и крапивы возвышалось нечто бесформенное, — здесь был фонтан. Видите мраморную чашу? А вокруг, судя по старым планам, росли кусты сирени. Вот здесь, здесь и здесь.

Он показал рукой, и Алиса, приглядевшись, действительно увидела старые, почти мёртвые стволы, заросшие сорняками.

— Вы думаете, их можно восстановить? — спросила она, чувствуя, как внутри просыпается профессиональный азарт.

— Я на это надеюсь. И хочу попросить вас о помощи. Вы же специалист по сирени. Что с ними делать? Как их спасти?

Алиса подошла ближе, раздвинула крапиву, осмотрела стволы. Кора была старой, потрескавшейся, но на одном из кустов она заметила молодой побег — зелёный, живой, тянущийся к свету.

— Этот жив, — сказала она. — И этот, кажется, тоже. Им нужна обрезка, подкормка, полив. Много работы. Но спасти можно.

— Я знал, что вы скажете именно так, — Максим улыбнулся, и в сумерках его улыбка показалась Алисе необыкновенно тёплой.

Они стояли в заросшем саду, среди руин и крапивы, а над ними медленно загорались первые звёзды. Дождь кончился, тучи разошлись, и воздух был прозрачным и свежим, каким он бывает только в мае после грозы.

— Алиса, — сказал Максим, и голос его вдруг стал серьёзным. — Я не умею говорить красивые слова. Я архитектор, а не поэт. Но я знаю одно: когда я с вами, я чувствую, что жив. По-настоящему. В первый раз за два года. Я не знаю, что будет дальше, но я очень хочу, чтобы вы были в моей жизни. Если вы, конечно, не против.

Алиса стояла и смотрела на него. В сумерках его лицо казалось особенно чётким, словно прорисованным тушью.

Глаза блеснули. Она чувствовала, как быстро колотится её сердце, и знала, что прямо сейчас, в эту минуту, решается что-то очень важное. Что-то, что может изменить всю её жизнь.

— Я не против, — сказала она и сама удивилась, как спокойно прозвучал её голос.

Максим шагнул к ней, взял её за руку, поднёс к губам и поцеловал. Простое, старомодное движение, но у Алисы от него перехватило дыхание.

— Тогда давайте спасать сирень, — сказал он. — Вместе.

— Давайте, — ответила она.

И в этот момент она поняла, что влюбляется. Не так, как влюблялась раньше — с оглядкой, с опаской, с постоянным страхом обжечься. А иначе — спокойно, уверенно, словноходишь в тёплую воду и знаешь, что она примет тебя и не даст утонуть.

Глава 3

Май сменился июнем, а Алиса и Максим всё так же встречались почти каждый день. Их отношения развивались неспешно, без бурных признаний и безумных поступков, но именно эта неспешность и была драгоценной. Они словно узнавали друг друга заново, открывая слой за слоем, и каждый новый слой был интереснее предыдущего.

Они гуляли по городу: по набережным, по паркам, по тихим улочкам, где ещё сохранились старые деревянные дома с резными наличниками. Максим знал о Петербурге то, чего не знали экскурсоводы: где находится самый старый дуб, в каком дворе спрятан фонтан XVIII века, на каком фасаде сохранилась подлинная лепнина, не тронутая реставраторами. Он рассказывал, а Алиса слушала, и город открывался ей с новой, неожиданной стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.